

Последняя строчка этого отрывка убеждает нас, что здесь, видимо, не бессознательное возрождение образных архетипов, но осознанное заимствование из Евангелия от Иоанна (IV, 14—15), где источник влаги утверждается как субститут Христа и его учения: «Иже пьет от воды, юже аз дам ему, не вжаждется во веки; но вода, юже аз дам ему, будет в нем источник воды, текущий в живот вечный».²⁸

Интересно полемическое переосмысление этой евангельской метафоры в стихотворении «Ко всему», где, используя реминисценцию апокалиптических «иссыхающих рек», Маяковский трактует уничтожение источников влаги как гибель одного учения и замену его другим.

Солнце! Лучей не кинь!
Сохните, реки, жажду утолить не дав ему, —
Чтоб тысячами рождались мои ученики
Трубить с площадей анафему.

(Стр. 106).

* * *

В объектах нашего исследования широко представлены и метафоры иных смысловых типов. Остановимся на образном мотиве, сводимом к ядру битва—пир. Трансформационный вариант этого исходного ядра в древнерусской литературе наиболее известен по «Слову о полку Игореве»: «Бишася день, бишася другыи, третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кровавого вина не доста, ту пирѣ докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую». В данном отрывке направленность трансформации следует определить как чисто изобразительную.²⁹ Отсюда — количественное обогащение живописными деталями обеих плоскостей исходного ядра, «картинность», известная автономность мотива внутри текста. Здесь не наблюдается ни эллиптичности, ни скрепления с иными мотивами.

Обратимся к Хлебникову. То же самое исходное ядро выявляет свои трансформационные возможности в таких его поэмах, как «Журавль», «Война в мышеловке», «Невольничий берег» и пр.

А ведь сколько мучений,
Сколько людей изувечено!
И слугою войны — порохом —
Подано столько печенья
Из человечины
Пушкам чугунным.
Это же пушек пирожного сливки!
Сливки пирожного,
Если на сучьях мяса обрывки,
Руки порожние
Дади...
Сельская голь стерегла свои норы,
Пушки-обжоры
Саженною глоткой,
Бездонной бочкой
Глодали,
Чавкая,
Зубы выломать.

²⁸ Многочисленные примеры этой метафоры в других памятниках древней Руси см.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 109—116.

²⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 61.